

Сухарев О.С.
д.э.н., проф. Заведующий сектором
Институционального анализа
экономической динамики ИЭ РАН
Sukharev O.S.
Dr., prof. IE RAS

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: «МЭЙНСТРИМ» И «ЭВОЛЮЦИОНИЗМ»

METHODOLOGICAL PROSPECTS FOR ECONOMIC SCIENCE: «MAINSTREAM» AND «EVOLUTIONISM»

Аннотация. Рассматриваются методологические проблемы современного экономического знания, адекватность критики «мэйнстрима» со стороны эволюционных экономистов и институционалистов, возможности неоклассического направления анализа и его вклад в экономическую науку. Исследуется вопрос о том, способна ли эволюционная экономика, частности, её инновационное направление, составить основу нового «мэйнстрима», вводится понятие «эффекта моды» в науке, как явления, отражающего накал методологических дискуссий, а также формулируется фундаментальная методологическая проблема экономической науки с указанием общего подхода для её разрешения.

Ключевые слова: «мэйнстрим», «эволюционизм», методология, эффект моды, фундаментальная методологическая проблема

Abstract. The methodological problems of modern economic knowledge, the adequacy of criticism "mainstream" by evolutionary economists and institutionalists, opportunities neoclassical direction analysis and its contribution to economic science. The question of how, can the evolutionary economics, particularly its innovative direction, form the basis of the new "mainstream", introduces the concept of "fashion effect" in science, as a phenomenon, reflecting the intensity of methodological discussions, and formulated the fundamental methodological problem of economics, indicating a common approach to its solution.

Keywords: «mainstream», «evolutionism» methodology, the effect of fashion, the fundamental methodological problem

1. «Мэйнстрим» и его возможности

«Мейнстрим» или основное течение в экономическом анализе, имело бурный расцвет на протяжении XX века. В период 1970-1980-х гг. наблюдается особое усиление позиций «новых» классиков, в том числе за счёт апробации их теорий в политической практике. Существуют разные точки зрения относительно включения в «мэйнстрим» кейнсианства и его разновидностей. Есть мнение, выделяющее неоклассику, кейнсианство, марксизм и институционализм в виде

отдельных четырёх парадигм экономической теории. марксизм и институционализм требуют отдельного разговора. А что касается неоклассики и кейнсианства, то общие исходные посылы, исходные принципы довольно близки, хотя отдельные установки, появляющиеся уже в ходе проводимого анализа экономики противоположны. Вместе с тем, и принцип ограниченности ресурсов, независимости потребителя, рационального его и эгоистичного поведения являются общими. Различия сводятся к трактовке взаимосвязи системных параметров, таких как процент, инвестиции, динамика цен и продукта, инфляции и т.д., эластичностей кривых спроса и предложения на товарном и денежном рынке и др. Таким образом, появляется разница в трактовке стремления к равновесию, отклонения от равновесия. Но Кейнс Дж. М. жил в период главенства экономики Маршалла-Вальраса, бесспорно, находился под влиянием этих идей и, несмотря на отступление от некоторых взглядов, не мог преодолеть общую равновесную парадигму анализа рынков и экономических изменений, особенно в части заработной платы процента и занятости. В связи с указанными причинами можно считать, что кейнсианство принадлежит «мэйнстриму». Более того, именно кейнсианские рецепты экономической политики во второй половине 20 века, усиленные развитием информационного сектора и технологическими прорывами 1990-ых гг. породили режим долговой экономической системы, причём, интересно отметить, что полное главенство неоклассики в 1980-1990-ые гг. не смогло выправить ситуацию, только усугубив её по причине резкого увеличения отрыва в развитии финансов и так называемого реального производства.

В «мэйнстриме» центральным аппаратом анализа выступает анализ рынков. Кривые предложения и спроса пересекаются в точке, отражающей равновесную цену и равновесное количество продаваемых товаров. Это равновесие может быть нарушено в результате изменения факторов, вкусов потребителей, изменение издержек производства, изменение технологий, психологическими сдвигами и т.д. В этом случае реальная цена будет отличаться от равновесной. Равновесие называется устойчивым, если отклонение от него сопровождается возвращением к первоначальному состоянию. В противном случае оно называется неустойчивым. Стабильность этого равновесия зависит от продавцов и покупателей. Относительно проблемы равновесия и отклонения имеются два подхода.

Во-первых, Л.Вальраса-Дж. Хикса. Когда преобладает спрос, покупатели стремятся увеличить закупки, цена возрастает. В этих условиях рынок стабилизируется, и наоборот, если спрос меньше предложения, то продавцы стремятся снизить свои цены и избыток предложения исчезает. Ситуация полностью определяется наклонами (эластичностью) кривых спроса и предложения.

Во-вторых, А.Маршала. В том случае, когда цена, по которой покупатели готовы заплатить за данное количество товаров выше цены, приемлемой для продавца, следовательно, производство расширяется. Равновесие будет

устойчивым, если увеличение объема выпуска продукции сокращает разрыв между теми и другими ценами¹.

При неравновесной ситуации, а экономика обычно находится именно в неравновесной ситуации, смещения спроса и предложения происходят перманентно под действием указанных выше факторов. Подлинная теория экономики – это теория, обобщающая факторы, определяющие направление и скорость такого движения. Экономическая система может двигаться к потенциальной точке равновесия, либо удаляться от неё. Проблема методологии неоклассики в том и состоит, что эту потенциальную точку невозможно определить, поэтому и позиционировать экономику, насколько она далека или близка к этой гипотетической точке практически невозможно. Тогда комплекс задач экономической политики становится бессмысленным, если исходить из равновесного представления, либо из неравновесного, так как неравновесие требует определение расстояния от точки равновесия, к которой надо якобы стремиться. Если эту точку установить невозможно, как можно стремиться к тому, что не понятно где находится, и не ясно какими методами можно туда прийти, и как долго, если и прийти, там нужно находиться и можно ли находиться сколь угодно долго? Проблема ещё и в том, что данная точка лишь гипотетически, точнее математически будет означать использование ресурсов с наибольшей эффективностью. Она будет лишь математически означать, что благосостояние в этой точке наибольшее, раз ресурсы и доходы распределены эффективно. Однако, данная эффективность ущербна. Эффективно в точке равновесия распределены ресурсы с позиций формулировки критерия эффективности. Если экономическая система находится в состоянии перманентных изменений, то сами эти изменения способны изменять благосостояние и определять распределение ресурсов. Иными словами, не статичное состояние определяет эффективность, то есть не точка равновесия, а динамический процесс изменений приводит или уводит систему от состояния наибольшей эффективности, которое абсолютно не совпадает с точкой равновесия. Вот в чём состоит основная проблема. Кстати, интуитивно, видимо, Кейнс Дж. М. понимал, поскольку проблема ликвидации разрывов между спросом и предложением, а также появившиеся понятие естественного уровня безработицы говорит, по сути, о приемлемости и допустимости неравновесного состояния. С точки зрения деталей ценно наличие разрыва с одной или другой стороны от точки равновесия в знаменитом «кейнсианском кресте». Задачу измерения таких разрывов решали представители шведской макроэкономической школы, причём небезуспешно.

Экономическая наука всегда развивается так, что она не может точно предвидеть изменения, а когда они наступают, то именно не укладывающиеся объяснения и описания в рамках прежних теоретических схем, вызывают потребность изменений в экономическом знании, коррекции подвергается сама экономическая наука. Такой порядок вещей и развития экономической науки пока остаётся неопровержимым. Это имманентная характеристика использования и совершенствования экономического знания. Поэтому «мэйнстрим», также как и

¹ Барр Р. Политическая экономика. В 2-х т. – М.: Международные отношения, 1995. – Т.1 – С. 500-501.

эволюционная экономика, которая в подлинном смысле противостоит «мэйнстриму» парадигмально, на уровне исходных положений, изменяется, совершенствует свой собственный аппарат. Нельзя предъявлять методологические претензии, полагая, будто ситуация остаётся прежней, на самом деле это не так.

Квинтэссенция «мэйнстрима» – это известная книга А. Самуэльсона «Основы экономического анализа» (1947 г.), где отстаивается использование концепции равновесия, дается аргументация того, что экономические проблемы могут рассматриваться как задачи максимизации и минимизации, то есть поиска некоего оптимума. Теория поведения потребителя и фирмы – есть приложение методов условной максимизации (с ограничением). Этот аппарат служит инструментом предсказания. В науке получил основополагающее значение принцип П. Самуэльсона, который по праву можно считать оплотом современной неоклассики и неоклассического синтеза.

Его формулировку можно представить так: если заведомо предполагать процесс развития экономической системы устойчивым, то малые изменения параметров приводят только к плавным изменениям переменных. Никаких внезапных изменений не происходит. Тогда процесс развёртывания кризиса является ярким симптомом нарушения этой устойчивости. Справедливость «принципа» зависит от предварительного предположения об устойчивости экономических систем.

Самый популярный метод в «мэйнстриме» – сравнительный статический анализ, суть которого заключается в изучении влияния сдвига значений экономических параметров на функцию экономической системы. Цель этого анализа заключается в том, чтобы определить, как изменяется равновесие в результате экзогенных воздействий. Но «мэйнстрим» абсолютно не лишён динамической постановки задачи. Большая часть моделей экономического роста, исходным пунктом которых приняты предложения Р. Солоу, являются динамическими моделями. Большая часть параметров этих моделей признаются функциями времени. Кроме того, сдвиг кривой спроса и предложения также создают динамическую версию изменения точки равновесия.

На современном этапе экономическая наука как методологическая система представляет собой соревнование двух парадигм: неоклассической, что собственно и принято считать «мэйнстримом» и эволюционной², отстаивающих различные взгляды на процесс социально-экономических изменений.

Современная экономическая наука оказывается в довольно сложном положении. Знание, которое она предоставляет, становится всё более

² Часто приходится встречать наименование институционально-эволюционная парадигма. Это несколько не меняет существа дела. В экономической науке стало модно устраивать терминологические споры и уточнения, абсолютно не продвигаясь вперёд по существу решения каких-то задач и вопросов, стоящих перед наукой. Кстати, это обстоятельство некоторую часть представителей исследовательского сообщества в экономике, заставляет полагать, что как ни называй, как ни обозначай терминами и понятиями какие-то объекты, явления и т.д., но, если это не приводит к решению поставленных задач, то смысл таких упражнений теряется. И если, наоборот, какое-то новшество, будь терминологическое или иное обеспечит решение данных задач, то автоматически сам факт решения обозначит целесообразность подобных изменений. Однако, трудность здесь в том, что доказать связь между решением и предварительными уточнениями, терминологическими новшествами совсем не просто.

фрагментированным, справедливым только на сравнительно небольшом историческом интервале. Релятивность экономической науки и её плюралистичность возрастают. Закономерности, установленные на изучении одних экономических систем, не подтверждаются на других, либо быстро утрачивают значение для рассматриваемой системы. Значимость и эффективность использования экономического знания снижаются, теории операционализируются, порождая острую потребность в новых теоретических обобщениях и интерпретациях. Но эта потребность ничем не подкрепляется, так как быстро изменить теорию, когда наблюдаешь быстрые изменения в экономике совсем не легко. Такая задача вообще не стояла перед нашими предшественниками, которые наблюдали вполне размеренную жизнь по сравнению с тем, что наблюдается сегодня. Целые области изменений человеческое общество не контролирует сегодня и, применяя модный термин, даже не успевает осуществлять полноценный мониторинг этих изменений.

Плюрализм, релятивизм и фрагментарность теории определяют замещение принципа единства теории принципом сосуществования конкурирующих концепций, что в итоге делает аппарат экономической науки эклектичным. Наука с большим трудом объясняет современные кризисы и совершенно не даёт возможности их точно прогнозировать. Многие ведущие экономисты говорят о наличии кризиса экономической науки, который не сводится уже к знаменитому «спору о методе», а состоит в невозможности объяснить современные явления и дать адекватные решения. Возникает «шарахание» от неоклассических методов регулирования к кейнсианским, в основном без понимая того, что стало с экономикой и её агентами, чем обусловлены изменения и эффекты ими порождаемые.

Причина всех этих проблем, на мой взгляд, кроется даже не в неадекватности неоклассических моделей экономической теории, в неспособности объяснять процессы реструктуризации хозяйства, поскольку экономической политики в них отводится роль экзогенного фактора, фирмы предстают в качестве однородных субъектов, стремящихся исключительно к максимизации прибыли, информация считается полностью доступной и практически бесплатной, а экономическая система стремящейся к равновесию, а состоит в сложности самих изменений и поведении экономистов-исследователей, желающих статически зафиксировать отдельные доктрины, включая неоклассику. «Мэйнстрим» уже давно не тот, коим мы хотим его представить, а граница между различными теориями становится расплывчатой.

Психологические изменения наблюдаемы, а роль психологии раскрыл ещё Дж. М. Кейнс, говоря о предпочтении ликвидности, о «ловушке» и о поведении агентов в части распределения элементов богатства. Кроме того, Дж. Тобин, развивая портфельный метод анализа, также вводил представления о том, как поступают агенты относительно сбережений, распределения ресурсов своего портфеля.. Кстати, поступят ли эти же агенты предопределённым образом, зная о самой портфельной теории, совсем не факт. Их предпочтения могут быть скорректированы на величину знаний о портфеле, а повод или мотив поведения измениться. Иногда возникают модели поведения, направленные нарочно против

соблюдения какого-то условия, например, портфельного выбора. И такое поведение может случайно либо нет оказаться успешным просто потому, что большая часть агентов не догадалась в какой-то момент времени так поступить. Это обстоятельство крайне важно.

Считается, что и классические теории финансов и финансовых рынков, а также финансовая математика, описывающая риски, доходы, модели поведения и стратегии является неадекватной, потому показала неэффективность при мировом кризисе 2008-2010 гг. Дж.Акерлоф и Р.Шиллер в ответ предложили «новую макроэкономику», которая призвана включить фактор «доверие» в макроэкономические модели, но по сути это означает лишь коррекцию неоклассических моделей за счёт некоего психологического фактора. Трудность здесь состоит, как и в агрегации доверия на макроуровне, так и в том, то доверие на разных рынках представляет различные виды доверия. Единый подход здесь вряд ли возможен. К тому же для экономического анализа важна не столько поведенческая макроэкономика, основы которой ещё были сформулированы ранее в теориях адаптивных и рациональных ожиданий, а скорее «структурная» макроэкономика, которая определяет соотношение между элементами системы и их развитие, и пропорции между группами релевантных агентов, реакции которых существенны на макроэкономическом уровне анализа. Данная психологическая реанимация или коррекция «мэйнстрима» сталкивается с проблемой агрегирования доверия, измерения доверия на различных рынках и секторах хозяйственной системы. Введение психологических факторов и институциональных условий в модели неоклассики, конечно, способно полностью преобразовать, изменить аппарат «мэйнстрима». По крайней мере, продвинуть его в сторону большего правдоподобия. С этим трудно поспорить, как и с тем, что трудности такого пути столь же очевидны, сколь и ожидаемые «радужные» перспективы.

Вместе с тем, нужно отметить, что пренебрежительное отношение к «мэйнстриму» только потому, что в период кризиса отсутствовали должные предостережения о его начале, либо потому, что принципы мэйнстрима неадекватны, либо потому, что эти принципы были применены не совсем по месту, например, для постсоветских стран и проведения в них реформ, не означает того, что это направление «парадигмально» довольно сильное, ввело в экономическую науку базовый методологический каркас, от которого в конечном счёте в дальнейшем отталкиваются все научные школы экономических наук. Это достижение никуда не отбросишь. Более того, любое направление науки, как бы не были условны исходные его позиции и допущения, даёт всё-таки некие решения, обладающие полезностью. В частности, «мэйнстрим» благодаря хорошо развитому статическому методу разработал теорию эффективности экономики, теорию передаточного механизма экономической политики, которую постоянно совершенствовал и, собственно, добился высокого влияния на правительственные круги и принятие решений. К тому же, первые модели, объясняющие экономический рост как феномен нового времени и новой фазы хозяйствования предполагали использование аппарата эконометрики, но и «мэйнстрима». Даже такой институционалист как С.Кузнец применял обычный описательный метод

исследования экономического роста, но взаимосвязи между параметрами растущей экономической системой устанавливал посредством общих принципов мышления, заложенных ещё в рамках «мэйнстрима». Единственное, где «мэйнстрим» имеет не такие ошеломляющие достижения – это теория развития экономики, потому что сводит проблему развития к проблеме экономического роста и его факторов. Это не является никакой патологией, вполне допустимо. Однако, как я покажу позднее, эволюционная экономика, которая вроде бы по замыслу должна дать более определённые результаты в части теории развития, по крайней мере, в шумпетерианском и нешумпетерианском прочтении, не может похвастаться уж такими ошеломительными по своей результативности достижениями. Кроме того, эволюционная теория развития экономики имеет ряд существенных оговорок и не может быть признана универсальной теорией даже в рамках этого направления науки, занимающегося проблемами хозяйственного развития. Рост является важнейшим феноменом развития в современную хозяйственную эпоху. Это свойство поведения многочисленных хозяйственных систем, причем такое свойство, которое возведено в ранг целей правительственной политики многих стран мира, если не сказать, что абсолютного большинства стран. Поэтому часто развитие сводят к экономическому росту. Как минимум, рост становится необходимым условием развития, в связи с чем приведенная трактовка справедлива.

Я привожу эти доводы не для того, чтобы защищать тот объект, который на самом деле в защите не нуждается, а для того, чтобы показать абсурдность дискуссии, неумолкающей до сегодняшних дней, сводящей проблему к утрате позиций «мэйнстримом», к его неадекватности, к появлению якобы нового «мэйнстрима» в лице эволюционной экономики. Активным инициатором такой дискуссии является видный старый институционалист нового времени Дж. Ходжсон. Нужно сказать, что и автор данной книги был также не объективен в оценках «мэйнстрима» и упрощённо трактовал его роль и значение в развитии экономического анализа и знания. Потребность переосмыслить эту роль и посмотреть на развитие экономической науки с позиций текущего момента, придав коррекции и свои собственные взгляды и оценки, привела к необходимости написания данной работы, назначение которой я вижу в том, чтобы придать упорядоченность и точность оценок современного состояния методологии экономического знания и возможностям экономической науки, не абсолютизируя, а правдиво оценивать эти возможности, не впадая в модную полемику о кризисе науки и её методологии³.

Итак, заслуга «мэйнстрима» может быть измерена следующими положениями:

- созданием каркаса экономического знания, базовых исходных предпосылок и моделей, развитие и изменение которых составило содержание иных исследовательских программ и научных школ, в том числе и тех, которые противопоставили себя «мэйнстриму»;

³ Хотел бы подчеркнуть, также, как и во Введении, что у меня не стояла цель делать обзор научных источников, касающихся дисциплины «экономическая методология». Задача заключалась в том, чтобы показать авторское видение так называемых методологических проблем современного экономического знания, науки.

- разработкой общих исходных предпосылок моделирования, с возникновением потребностей в эконометрике;

- применение научного метода познания социально-экономических явлений и разработка вполне действенных для своего исторического периода времени объяснительных и описательных схем и моделей, влияющих на подготовку правительственных решений;

- расширение проблематики экономического анализа от рассмотрения проблем накопления и использования богатства, до проблем бедности, безработицы, цен, капитала, производства, обмена, распределения, торговых, валютных кризисов, экономического развития (роста), организации рынков, монополизма, эксплуатации, равновесия и устойчивости экономической системы и др.

«Мэйнстрим» стал сам неудовлетворён концепцией равновесия, моделями, которые реализовывали эту концепцию. Поэтому утверждать, что этот аспект являлся негативным и заставил представителей «мэйнстрима» совершенствоваться, также нелепо и бессмысленно, как утверждать или для нынешнего момента – гадать, что заставит совершенствоваться эволюционную экономику. Ведь длительные интервалы времени также трудны в исследовании, как когда-то было трудно проводить анализ без моделей равновесия. Полагаю, что мэйнстрим не готовил никакого плацдарма для вторжения эволюционной и институциональной парадигмы. Это вторжение осуществилось более 110 лет с работы Т.Веблена почему экономика не эволюционная наука, а также с работ А.Смита и Ч.Дарвина. Применение биологических аналогий автоматически модифицирует исходные принципы, но никак не разрывает континуум самого экономического знания. При одних описаниях уместно сохранять логику равновесных рассуждений и такую же стилистику научного текста, при других – важно употребить биологические сопоставления, реализовать идею жизненного цикла, но исходный аппарат экономического анализа, используемый в «мэйнстриме» сохраняет своё значение. Кстати, как и комплекс исходных проблем, с которых начала своё становление экономическая наука, а именно проблемы богатства, накопления капитала, ресурсной эффективности.

К счастью, ни эволюционизм с институционализмом не движется в сторону «мэйнстрима», ни обратного движения также не следует различать. Происходит общее движение экономического знания, обретающее вид его развития – повышения адекватности и результативности применения. Поэтому я вынужден не согласиться с Дж. Ходжсоном в этой части, который, якобы обнаруживает такие движения, чётко проводя некие разграничительные линии, столь же бесполезные сколь и необоснованные. Факт движения, точно так же как и факт кризиса науки установить трудно. Кроме того, зачем именно так ставить проблему динамики экономических знаний. Ходжсон Дж. в своей статье «Институциональная и эволюционная экономика как новый «мэйнстрим»?» ставит знак вопроса, но оговаривается в тексте самой статьи, что, по всей

видимости, в будущем нет уверенности в сохранении знака вопроса в наименовании статьи⁴.

Три совершенно неверных тезиса бросаются в глаза, когда знакомишься с этой статьёй.

Во-первых, считается, что существует неудовлетворённость неоклассическими подходами, то есть «мэйнстримом», но разве имеется такая уж удовлетворённость эволюционной экономикой или институционализмом? Неужели их развитие с методологической точки зрения не имеет проблем?

Во-вторых, требует уточнения тезис о господстве неоклассических подходов и необходимой их замене за счёт разработки обязательно альтернативных теорий? При этом Ходжсон Дж. опять привязывается к равновесию, что новые теоретические альтернативы должны увести аппарат науки от равновесия? А если жизнь или процедуры равновесны – как быть? Ведь бюджет строится по принципу дихотомии – значит равновесия. Платёжный баланс аналогично. Да и две базовые компоненты экономического анализа спрос и предложение представляют две чашки одних и тех же весов. Зачем трактовать создание такой теоретической альтернативы как некую победу? Это вопиющее непонимание процессов генезиса и развития самого знания об общественной системе и, конкретно, знания экономического.

В-третьих, междисциплинарный диалог наук необходим, и он происходит исходя из задач исследований и возможностей, которые проявляют представители этих междисциплинарных наук, но реорганизация и использование различных знаний не будет происходить в силу рекомендаций какого-то «крупного» специалиста, а в силу необходимых обстоятельств применения этих знаний в конкретных задачах исследований. При этом такое взаимное проникновение вряд ли будет означать пересмотр природы общественных наук. К тому эмпирические исследования и исследования в области принятия решений имманентно подключают к экономике социологические методы познания, право и психологию. Вызывающей крупные вопросы выглядит классификация Ходжсона Дж., когда по оси абсцисс откладывается число агентов, по ординате – степень знания и рациональной расчётливости агентов (акторов), сама же диаграмма отражает якобы области исследования экономической теории. Для простой монополии, совершенной и несовершенной конкуренции степень знания почему-то отсутствует, для институциональной и эволюционной теории, где действуют ограниченная рациональность согласно Ходжсону Дж., привычки и правила, степень знания и рационального расчёта, рассмотрении повышается, а наибольшую степень расчёта для наибольшего числа агентов (акторов) демонстрирует теория рациональных ожиданий, теория игр характеризуется наибольшей степенью знаний и рационального рассмотрения. Как видим. Натянутость такой классификации, большая условность её не требует даже обоснования, потому что очевидна. Теория игр совершенно не означает, что участники игры обладают достоверным знанием, и что при несовершенной

⁴ Ходжсон Дж. Институциональная и эволюционная экономика как новый «мэйнстрим»?// Экономический Вестник Ростовского государственного университета, 2008, Том 6, №2 – С. 8-21.

конкуренции эти знания минимально относительно тех предпосылок, что рассматриваются в теории игр. Сама эта конструкция выглядит как неживая «модель-схема» условно-классификационного характера, упрощающего и континуум экономической теории и сразу программирующей неверные или не всегда подтверждаемые, как минимум, установки-условности. Теория рациональных ожиданий не оценивает знаний агентов как таковых. Она говорит лишь о том, что они быстро реагируют исходя из своих выгод и оценки ситуации, связанной с их ожиданиями, обращёнными в будущее. В теории адаптивных ожиданий агенты, наоборот, реагируют исходя из своего прошлого опыта, подстраивая свои реакции под этот опыт, перенося его на будущие события. В этом состоит принципиальная разница двух похожих, но кардинально различных теоретических подходов. При этом, данные подходы совершенно не рассматривают изменение знаний агентов. Теории рациональных и адаптивных ожиданий по сути являются макроэкономическими – им интересны поведения в агрегированном виде, то есть реакции, способные воздействовать на совокупный спрос и предложение, что изменяет направление движения экономической системы. Уточнение того, как соотносятся ожидания, какие ожидания преобладают, каким образом агенты обрабатывают информацию, однородным ли знанием обладают – это своеобразное «копание» в допущениях модели экономики, которая рассматривается. Само по себе это полезно, но насколько усложняет модель подобное изменение допущений. Теория игр в общем и целом не рассматривает большое число агентов, она ориентирована на микроэкономический анализ, но исходит часто из похожих допущений, что и теория рациональных ожиданий. Здесь особый интерес приобретает учёт агентами стратегических перспектив других агентов, их предпочтений, выбора, и принятия ими решений. Это полезно при микроэкономической ориентации подхода, но на макроуровне такую работу, пусть и при совершенной математике, осуществить трудно. Относительно знаний агентов, конечно, делается весьма натянутое допущение. Проблема в том, что нужно исходить из сложности реального выбора и переключении стратегий поведения, а также принимать во внимание ограниченность информации и знаний о ситуации, что является имманентным условием экономического поведения в принципе. Всё остальное является большой условностью. Конечно, разумно упрощать модели, вводить какие-то оговорки, но тогда и свойства моделей и теорий необходимо оценивать исходя из наличия этих ограничений. Неопределённость присутствует всегда и везде, и чем сложнее система, тем неопределённость выше, несмотря на постоянно и перманентно вводимые и изменяющиеся системы правил и ограничений. Различные теории и модели по-разному раскрывают именно проблему неопределённости. Это является базовой характеристикой современных подходов в экономической теории, и, безусловно, относится к институциональной и эволюционной экономике. Ибо проблемы эволюция раскрываются на значительных интервалах времени, которые порождают высокую неопределённость. Временная протяжённость оценок выдвигает требование к экономическому анализу, который обязан учесть обучение и самообучение агентов, в том числе при изменяющихся правилах и привычках. При этом мне

хочется отметить, что рынок сам по себе не требует правил. В социуме потребность правил и не только в них, но и в благах возникает благодаря агенту. Только агенты требуют правил и их изменений и образуют рынок. Следовательно, рынок структура возникающая, если угодно подневольная. Институты, которые якобы призваны защитить частную собственность по Ф.Хайеку, и принуждать выполнять контракты (хотя в обществе часто это различные институты), на самом деле обеспечивают возникновение иерархии прав, возвышая институт частной собственности, институт владения и наследования над иными институтами. Насколько это верно- вопрос сложный. Но одно можно заметить, что у такого возвышения нет никакого научного обоснования, кроме как констатации, что частная собственность обеспечила прогресс капитализма, увеличение доходов и рост, что оправдывает закрепление такой иерархии,

Теперь нужно детально разобраться, в чём же видится пересмотр природы общественных наук и, в частности, экономики, насколько он возможен. Насколько правомерны и логически верны приводимые тезисы зарекомендовавшим и ставшим очень популярным старым институционалистом.

1. С первых слов задаётся установка о пользе эволюционных и институциональных идей. Действительно, ещё А.Смит отмечал, что в экономике принимаются решения, которые не являются следствием замысла и целевого назначения, то есть возникают спонтанно, случайно. Однако, наличие таких решений совсем не означает, что их доля в общем объёме решений преобладает. Ничего неизвестно, как такие решения взаимосвязаны и взаимодействуют с другими типами решений, а именно с теми, которые являются следствием и замысла и целенаправленных действий, порождающих затраты. Кстати, аспект затрат очень важен, насколько различные типы решений приводят к большим или меньшим затратам? В связи с этой неясностью, остаётся проблема по поводу утверждения о том, что социальный порядок может быть организован без централизованного управления. Да, какая-то регуляция возможна и без централизованного управления, но такие виды общественной организации остались давно в прошлом и на протяжении обозримого периода, особенно в последние столетия бурного и, как принято считать, успешного развития капитализма, приведшего к научно-техническому прогрессу и развитию наук и искусств, хотя существовало сильное обратное влияние, централизация управления присутствует в разных странах. Она принимает разные формы, проявляет различный масштаб – больший или меньший, но иерархия возникает, как способ самоорганизации общественной системы и мы не видим пока возможностей внеиерархической организации и управления. Более того, компьютерная революция, широкая информатизация многих процессов – производства, обмена, распределения, потребления, управления, порождает эффект локальной централизации, ибо сервер есть не что иное как некий центр, собирающий информацию, обрабатывающий и распределяющий её. Экономическая наука попадает в странную. Ситуацию: следуя базовых установкам о рыночной системе, о рынках, она как будто не видит эффектов централизации и новых форм управления и организации общества, а если и видит, то пытается приложить все интеллектуальные усилия для доказательства того, что

рынки эффективнее, чем централизованное управление какие бы формы оно не принимало. Это глупое положение, ни на чём не основанное и нечем на практике не подтверждаемое, потому что сравниваются несравнимые объекты, процессы, изначально не верно устанавливается соотношение между ними. Рынок порождает конкуренцию там, где она по существу не нужна и приводит к перерасходу ресурса за счёт искусственного роста разнообразия, который экономическая наука не оценивает, не считает, не принимает во внимание ни в одной модели, ни в рамках «мэйнстрима», ни в рамках эволюционной экономики. Считается, что 60 видов колбасы и 200 видов шоколада – это здорово, что выпуск одного и того же продукта различными фирмами – это реализация рыночного принципа конкуренции. Только здесь же экономисты-исследователи забывают одну простую вещь, которую сами же преподают студентам в элементарной микроэкономике. Когда продукт гомогенный и существует большое количество производителей (продавцов) и покупателей этого продукта, то предельные издержки стремятся сравняться с предельным доходом и прибыль стремится к нулю. Иными словами ситуация совершенной конкуренции приводит систему к бесприбыльному развитию. Тогда возникает проблема, откуда взять инвестиции на расширение и инновации. И будут ли возникать потребности в инвестициях и инновациях в такой совершенной системе? Разумеется, не будут. Я имею в виду, что сами потребности могут возникать, но они не смогут быть удовлетворены, то есть это будут нереализованные потребности. Иными словами система будет в состоянии самоуспокоенности, равновесия, и её неравновесность, как главное свойство эволюции фактически будет отсутствовать. При нулевых возможностях, а нулевая прибыль будет означать именно такое состояние, вероятно такое изменение мотивации агентов в гипотетической системе, что даже потребности будут стабильны, то есть они не будут изменяться, эволюционировать. Таким образом, подобная система никогда не существовала и не существует на практике. В связи с чем, возникает некий фетиш-сказка о якобы полезности модели совершенной конкуренции, о необходимости стремиться именно к такой модели. Конечно, стоит сказать ещё и о том, что нереально иметь одинаковых производителей в большом количестве, одинаковых потребителей, одинаковые сделки купли-продажи и т.д. Мы приходим к тому, что данная модель фиктивна, она полезна как задачка в учебном плане, но не более того. Привязывать критерии экономической эффективности к точке равновесия в рамках такой модели бессмысленно и уводит исследователя от подлинного понимания эффективности экономической системы.

Считается, что мэйнстрим исходит из представлений об абсолютной рациональности, что не отвечает наблюдаемым фактам, когда человек ведёт себя ограниченно рационально (Г.Саймон). Кроме того, с появлением концепции эндогенных предпочтений эволюционисты связывают широкие перспективы в противостоянии с «мэйнстримом». Проблема в том, что со времени написания статьи Г.Беккером «О вкусах не спорят». Мэйнстримовская точка зрения не изменилась, что предпочтения индивидов заданы и стабильны в экономической системе. Активным противником этой идеи был Дж. Гэлбрейт, на которого, почему-то, стали мало ссылаться, в отличие от других экономистов, повторяющих

уже этот протест и говорящих, что вкусы изменчивы и формируются самой экономической системой, изменяются при измене социально-экономического ландшафта, например, рекламы и иных психологических факторов. Тем самым, сдвиги в предпочтениях и выборе вводятся в процесс эволюции экономической системы, что повышает сложность анализа, но и приближает его к правдоподобной интерпретации. Вместе с тем, если это делает мэйнстрим, зачем упрекать его в таком совершенствовании. Это всё равно что упрекать человека, который отказался от курения или алкоголя, что он поменял принципы, но он же приблизил их к лучшему состоянию, а не к худшему. Та же аналогия относится и к «мэйнстриму». Мне кажется, что разрыв экономического знания и разведение его по принципам и условным допущениям порождает ненужное противоборство между теоретическими школами и является отражением организации самой экономической науки, то есть сферы, работающей и воспроизводящей знаний, причём не всегда эффективно это делающей. Эта неэффективность передаётся самому знанию и его применению, интерпретации, порождая и не всегда адекватные концепции.

Включение в экономический анализ теории игр, экспериментальной экономики, бихейвиоризма никоим образом не подтачивает основу «мэйнстрима», как считают многие эволюционисты, наоборот, происходит расширение экономического знания и взаимодействие принципов и подходов с единой целью повысить адекватность описания, объяснения экономических явлений с тем, чтобы дать полезные рекомендации экономической политике. «Мэйнстрим» всегда исходил из инкрементального характера изменений и наличия или стремления к равновесию. Вше я показал неразумность задачи двигаться к равновесию. Но следует подчеркнуть, что далеко не всегда представители мэйнстрима считали именно так и ставили именно такую задачу, как движение к точки равновесия. Что касается инкрементального характера развития, то и эволюционная теория применяет этот принцип, наравне с анализом бифуркаций, состояния аттрактора и т.д.

Иными словами, более точное описание и объяснение нам необходимо исключительно в аспекте получения рекомендации и принятий решений в области управления. Кстати, это обстоятельство накладывает ограничение на масштаб требуемых уточнений и повышения уровня точности в описании и объяснении явлений экономики. Если это даёт релевантное уточнение действий, повышает результативность мероприятий правительственной политики и действий иных субъектов экономической системы, тогда такие исследования, классификации, модели и т.д. полезны и оправдывают затраченные усилия на их получение. В противном случае совершенствование аппарата науки и игры в «рассуждения» превращают экономическую науку в «жёлтый дом», где умалишённые наклеивают марки на конверты, не отправляемые в никуда, считая эту деятельность нужной и полезной. Хотя имеется мнение, что наука представляет собой сферы, где подобная деятельность, которая кажется на некоем отрезке бесполезной работой, спустя длительное время может «выстрелить» в нужном направлении и создать эффект подлинного прогресса развития экономического

знания. Подобный аргумент, конечно, сильный, но им можно оправдать и обосновать какие угодно действия и решения в области науки, любое занятие.

2. Теория игр воспринималась как панацея для «мэйнстрима», когда стало ясно, что равновесный подход не применим. Однако, нужно заметить, что исходные работы в рамках «мэйнстрима», экономистов ещё 19 века и ранее, отнюдь не исходили и не делали такой уж акцент на некоем равновесии либо стремлении к нему. Иное дело, если речь идёт и сбалансированном бюджете, платёжном балансе, устойчивой динамике цен в стране. Анализ и размышления в этой области по неволе принуждают экономистов размышлять в рамках балансовых схема. Теория игр как будто ниспровергла принцип абсолютной рациональности, но смогла ли она подтвердить принцип ограниченной рациональности, или показать адекватность принципа иррационального поведения агентов. Проблема в том, что агенты, участвующие в игре сильно зависимы в своих решениях от правил, установленных перед игрой и что будет с самой игрой и агентами при изменении правила в рамках игры – вопрос открытый и не решённый. Мне удалось показать, что изменение этих правил сильно повлияет на общее благосостояние системы, на перераспределение этого благосостояния между агентами, причём с явным нарушением статичных принципов экономики благосостояния (Парето-эффективности, Калдора-Хикса, Ситовски). Содержание игры также влияет на её результат, но теория игр не даёт ответа на вопрос сопряжённости разных игр. А ведь в экономической системе взаимосвязаны различные игры, причём одна игра может замещать или дополнять другую игру, либо конфликтовать с ней. Тогда нужен аппарат, который бы изучал взаимодействие различных игр, различных стратегий, типов принятия решений. Ни «мэйнстрим», ни его оппоненты в лице эволюционных экономистов и эволюционной теории игр, всё-таки не располагают таким аппаратом. Встраивание моделей искусственных миров, моделей, привлекающих аппарат искусственного интеллекта, немного смягчает ситуацию, но окончательного полноценного ответа не даёт. Поэтому не стоит противопоставлять «мэйнстрим» и эволюционную экономику и рассуждать в терминах, что становится или станет со временем новым «мэйнстримом». Если будут убедительные инструменты объяснения, описания, прогноза и принятия решений, то именно они и будут использоваться. Перспективное направление развития экономической науки угадывается автоматически, исходя из наших рассуждений. Институты определяют выбор агентов, их решения, кроме того, они определяют и характеристики игры, её содержание и даже в отдельных случаях задают, делают предрешённым результат игры, конкуренции. В силу наличия институтов конкурентную победу может одержать абсолютно неэффективный агент, либо агент с пониженным интеллектом и информационными возможностями. Оппортунизм и искажения информации оказывают здесь весьма ощутимое влияние. Тем самым, пересматриваются ранее считавшиеся общепризнанными тезисы науки о конкуренции и поведении агентов в экономике. Но ведь когда-то и Дж. М. Кейнс изменил базовые принципы макроэкономического анализа. Причём совершенно не считалось в тот период, что это спровоцирует крах «мэйнстрима» как некой статичной конструкции. «Мэйнстрим» как научное направление

является развивающейся системой знаний. Поэтому постановка вопроса относительно нового или старого «мэйнстрима» представляется крайне неудачной. Экономическая наука должна и призвана решать стоящие задачи, определять, ставить их, и совершенствовать свой методологический познавательный аппарат, чтобы получать наиболее правдоподобные решения исходя из тех критериев верификации, которые удаётся ввести и применить к полученным знаниям. Вопрос относительно того, должна ли наука усложнять свой аппарат и что считать усложнением, весьма важен. Ведь хозяйственная система усложняется, повышается уровень её разнообразия, и следует ли усложнять инструментарий познания экономической действительности со стороны науки? Можно ли простыми методами «вскрыть» повышающуюся сложность. Видимо, ответ будет такой, что наука должна использовать все обоснованные средства познания явлений и, кстати, своими рекомендациями бороться против неоправданного усложнения экономической системы, поскольку повышение сложности способно снизить управляемость и эффективность развития. Подобно ситуации в физике, когда созданные на земле приборы обладают ограничением разрешающей способности, так, что невозможно увидеть ряд объектов на определённом удалении в силу этого ограничения, так и в экономической науке рост сложности является преградой для познания экономических взаимодействий, то есть выступает своеобразной разрешающей способностью познания экономических явлений. Таким образом, «мэйнстрим» посредством аппарата теории игр, который развился на основе развития задачи Курно, включил в рассмотрение институциональные факторы, которые значимы как при анализе изменения стратегии игроков и рассмотрении форм и структур рынков, так и при анализе изменения спроса и предложения.

3. Справедливым остаётся утверждение Ходжсона Дж. относительно крупного изменения «мэйнстрима». С этой трактовкой следует определённо согласиться и, более того, подчеркнуть те моменты, которые не учтены в проводимом анализе. Важно то, что такое крупное изменение происходит за счёт повышения роли «экономического империализма», то есть вовлечения в экономический анализ других дисциплин, расширение предметной области исследований, модификации принципов, например, рассмотрение динамических изменений, ограниченной рациональности и неполноты информации. Данное изменение сопровождается ростом плюрализма и снижением строгости анализа, ещё большей релятивизацией экономической науки и фрагментарностью. Важные проблемы, на которые обращали поверхностное внимание в экономической науке, теперь вышли на первый план. Речь идёт о принципе суверенитета потребителя. Если выбор может быть навязан кем-либо, то нужны иные модели, описывающие процедуру выбора. Более того, тогда экономисты и не имеют независимой кривой спроса, какой бы наклон она не имела. В таком случае модели и схемы, предполагающие введение кривых предложения и спроса обязаны установить зависимость между кривыми спроса и предложения как графическую, так и аналитическую. Иначе мы располагаем просто ложными представлениями. Когда анализируем факторы сдвига кривых, например, шоки спроса или предложения и пытаемся объяснить кризисные явления 1930-ых или

1970-ых гг., то необходимо принимать во внимание степени разрушения данного принципа в указанные периоды и в современной экономике. Иначе ни на какое правдоподобие рассчитывать не приходится. Привлечение социологии, психологии, права, биологии не создаст правильный образ экономической науки, да что считать этим правильным образом. Предшествующие поколения крупных экономистов, долго рассуждая на эту тему, видимо, были правы в одном: экономическая наука будет представлять совокупность методов, пригодных для применения по частным вопросам, для решения конкретных задач. Но я бы сделал акцент на управлении, обосновании решений, мер экономической политики и решения центральной проблемы, которая породила экономическую науку как систему знаний – это эффективного использования богатства, сохранения и приумножения элементов богатства. Поэтому К. Эрроу, которые считал, что биологические аналогии в отличие от механических, так длительно применявшихся в экономической науке станут своеобразной альтернативой и приведут к изменению установок, формирующих экономическую теорию, я бы ответил так: исходная постановка задач науки, которые привели к необходимости её возникновения должны определить и её будущее и используемые методы и аналогии, которые применимы как в синтезе, так и в анализе, и в системной совокупности, комплексно, если позволяют отвечать на поставленные проблемы и обеспечивать движение экономической системы в данном направлении. Проблема богатства, его распределения, сохранения – это проблема ресурсообеспечения, и эффективности, справедливости и поиска форм общественной организации, позволяющей выполнять перечисленные установления. В этом ключе полезны и установки «мэйнстрима» и эволюционной экономики. Но ещё важнее объективное рассмотрение явлений, например, конкуренции. Если эволюционная экономика будет также фетишизировать какие-то её формы подобно «мэйнстриму», превозносящую совершенную конкуренцию, оправдывая капиталистическую форму организации, которая устарела и не отвечает экономике, где знания и творческие способности с каждым днём превышают возможности капитала и его организации, то именно этот фундамент следует изменить, то тогда не пригодны никакие теории, принципы и подходы. Мы должны понять, что нет идеальных форм в общественной системе – и это главное свойство её эволюции. Эволюции общественной системы, где экономика является лишь одной, пусть и центральной её частью, элементом. Капитализм выступает как неоптимальная форма организации, превозносящая одни общественные институты над другими, выстраивающая неэффективную иерархию.

4. Надежда относительно экспериментальной экономики, на мой взгляд, требует иной трактовки, нежели та, что представлена Ходжсоном Дж. Интересен стиль подачи материала этим экономистом. Он ссылается на отдельные работы исследователей, подавая их позицию за абсолют известного в рамках данного направления науки, тем самым как бы привязывая уровень развития данного направления науки к этому исследователю (иногда одному, иногда группе, не очень большой). Представляется такой подход методологически неточным и даже предвзятым. Интересно отметить, что если агенты ведут себя не рационально в

подавляющем числе случаев, то считать ли поведение агентов, изучающих какой-то предмет, проводящих исследования также нерациональным в получении и интерпретации знаний? Если «да», то на что вообще можно рассчитывать в области экономического анализа? Экспериментальная экономика воспроизводит лабораторный эксперимент в условиях, близких к реальным, то есть используется правило постановки эксперимента, известное в физике, механике, инженерных науках. Важным обстоятельством такого экспериментирования выступает проектирование институтов, определяющих функционирование субъектов в процессе эксперимента. Однако, неверно считать, будто экспериментальная экономика развивает «мэйнстрим» и имеет весомые ограничения с точки зрения эволюционных принципов. Это не так, поскольку здесь мы сталкиваемся опять таки с эффектом фиксации интеллектуальной схемы или конструкции, что является необоснованным приёмом. Раз возможен эксперимент, то он же может предполагать изменение правил в процессе эксперимента, правила совершенно не должны быть статичны. Таким образом, экспериментальная экономика позволяет решить методологическую неразрешимую проблему изучения институциональных изменений, когда невозможно оценить эффекты институциональных изменений, пока они не завершены в реально эволюционирующей экономической системе. Конечно, совсем на 100% снять это ограничение не удастся, ибо эксперимент есть эксперимент, он не может учесть весь набор релевантных факторов. Тем не менее, полезность такого под-ода в экономической науке, где существуют объективные трудности с опытом и верификацией знания посредством опыта не вызывает сомнений. Тогда удастся оценить эффекты институциональных изменений лабораторно. Фактически констатируется наличие весомых ограничений в применении имитационных и агентских моделей, не говоря уже об оптимизационных моделях, которые широко использовались в «мэйнстриме».

5. Рациональность агентов детерминирована экономической ситуацией. Она существует всегда, как я показал в своих работах⁵. Этот принцип незыблем и неверно критиковать «мэйнстрим» за то, что он принимает этот принцип основным. Другое дело принцип равновесия или полноты информации, здесь необходимы модификации. Рациональность же присутствует всегда, важен лишь её критерий и его применимость в конкретных обстоятельствах выбора. Вернон Смит показал подобные же вещи не только логически, но и экспериментально. Однако, всё равно выводы относительно использования представлений о рациональности делаются не совсем корректные.

Очень важная с точки зрения методологии проблема состоит в том, что в экономике агенты ведут себя по-разному. Конечно, рациональные мотивы имеют место, но также имеют место и нерациональные модели поведения. Однако, для обобщения и агрегирования, каких всё же моделей больше, и в какую сторону направлен общий вектор реакций агентов. Данное уточнение является принципиальным. Его можно распространить на любые рассуждения и споры в

⁵ См.: Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. В 2- Т., М.: Экономика, 2007. Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход). – М.: Финансы и статистика, 2012.

области методологии и выбора того или иного принципа или модели. Сказать, что агенты ведут себя иррационально, ничего не значит с точки зрения науки. Нужно подтвердить весомость такого поведения и показать случаи либо обстоятельства, когда оно релевантно и должно приниматься в рамках экономической науки за базовую модель или принцип. Когда решения агентов касаются денег, они с большой вероятностью рациональны и доля нерациональных решений будет наверняка мала. Однако, следует отличать ещё рациональные и нерациональные решения или модели поведения агентов и отграничивать их от ошибочных решений. Ошибочное решение вряд ли стоит именовать рациональным, как и нерациональным. Поскольку и в том, и в другом случае оно может оказаться ошибочным, то есть неверным. Например, если решение принято агентом абсолютно рационально, исходя из необходимости получить наивысшую прибыль. Действительно, казалось бы, такая прибыль должна быть получена. Затем вмешиваются факторы, порождающие дополнительные риски, которые невозможно учесть при принятии решения, и агент получает не только нулевую прибыль, а терпит убытки. Однако, модель его поведения была абсолютно рациональной. Он мог поступить альтруистически (нерационально) и принять совершенно нерациональное решение, которое в этих же обстоятельствах привело бы его к получению пусть небольшой, но зато ненулевой прибыли. Обратим внимание, что альтруизм воспринимается экономистами как иррациональное поведение, которое раньше в «мэйнстриме» не рассматривалось и не считалось рациональным. Но почему рациональным признаётся только то, что приносит материальную выгоду. Ведь альтруистически можно вести себя в силу стремления к самоутверждению, став благотворителем, благодетелем каких-то людей, данный агент испытывает самоудовлетворение. Более того, он может видеть в этом своё предназначение, целевую функцию хозяйственного существования и вообще бытия. Такой вид выгоды почему-то не рассматривается как выгода. Однако, отсутствие подобной трактовки говорит лишь о халатном отношении науки к различным вариантам выгоды, но отнюдь не означает, что эта выгода отсутствует, поведение является нерациональным (иррациональным). Оно иррационально с позиций исходного критерия рациональности, как его представили экономисты, условившись считать так, а не иначе. В таком случае возникает вопрос: верен ли сам критерий рациональности, который введён? Вместо того, чтобы так поставить вопрос, экономисты институционального и эволюционного направления выдвигают некие сомнения по поводу «мэйнстрима». А подобная постановка вопроса способна ограничить «успешное» толкование этого принципа и в рамках их школы эволюционной экономики.

Возвращаясь к утверждению о смене природы общественных наук, важно понять, что имеется в виду. Здесь важно принять во внимание, что вообще считается природой общественных наук. Если это – научный метод, как метод познания действительности, то маловероятно, чтобы его можно было кардинально пересмотреть. Научный метод познания в экономике предполагает наличие научной любознательности, которая формирует исходные гипотезы о поведении элементов экономической системы, например, спроса и предложения, применение логического анализа (ретроспективного, сопоставительного, эмпирического и др.)

с доказательством выдвигаемых гипотез для объяснения и описания тех или иных изменений. Доказательство обеспечивает возникновение точной информации или существенного знания, которое провоцирует дальнейшую любознательность в сфере научного поиска. Этот круг затем повторяется. Изменение этого «круга», если под этим понимать изменение природы общественных наук, а также иное использование методов познания – индукции, дедукции, анализа и синтеза, возможно при условии, что удастся представлять знание общественных наук и главным образом экономики как нашей дисциплины, изменяющимся по ходу экономических изменений вместе с ними, а также представлять изменение реакций агентов в зависимости от экономического знания. Иными словами, требуется создавать гибкое знание, которое предполагало бы использование различных допущений и исходных установок.

Когда проектируется что-либо, изделие, либо знание, то логика поведения требует исполнения неукоснительных принципов. В области решения проектировочных задач такими принципами являются два основных: учёта эволюционных изменений и создания новой комбинации или новых свойств. Тем самым, отрицать какой-либо одной научной школой другую не просто недальновидно, но является пустой затеей, как и соперничать. Скорее всего, соперничают несовершенные люди, ограниченные люди-исследователи, которые в силу разных жизненных обстоятельств и даже реальных собственных достижений могут быть наделены статусом корифея данного научного направления. Знание же не может быть «порванным», не может лишиться своей первоосновы. Я не говорю уже о том, что с течением времени устаревшая позиция или достижение могут обнаружить расцвет с новой силой. Это также становится закономерным свойством эволюции современного экономического знания.

2. Эволюционизм как новый «мэйнстрим»

Новые возможности экономической науки часто связывают с так называемой эволюционной экономикой. Эволюционная экономика рассматривает длительные периоды функционирования экономических систем, в которых происходят изменения. Именно эти изменения становятся объектом анализа экономистов-эволюционистов. Следовательно, главным принципом в эволюционной экономике выступает принцип изменчивости, а также наследования (сохранения признаков и форм экономической организации и управления). а также принцип естественного отбора, известный из биологии, который в социуме нарушается, поскольку в конкуренции побеждает далеко не самый эффективный агент (гиперселекция).

В институциональной и эволюционной теории используются два главных понятия: института и эволюции. Некоторые исследователи, например Д.Норт, Р.Коуз, О.Уильямсон, делают акцент на институциональную экономику, развивая традиции американского институционализма, Е.Андерсен, С.Уитт, Р. Нельсон, Дж. Силверберг – на эволюционную экономику, причём каждая группа исследователей считает, что их направление анализа позволяет достичь наиболее высокого уровня теоретического обобщения и вбирает в себя все остальные

теории в виде частных случаев. Эволюционный подход начал набирать интеллектуальный вес примерно с середины 1980-х гг., когда были созданы первые эволюционные модели фирмы, приобретшие достаточную известность. В нём можно удачно применять анализ изменчивости психологических факторов и моделей поведения игроков и агентов для изучения закономерностей эволюции экономической системы. По существу изменение модели по ходу её математической реализации за счёт переключения одной стратегии поведения на другую – это и есть учёт психологического фактора в экономике, в эволюционном моделировании. По сути, такой подход составляет «микрооснову» макроэкономики, которую ищут многие исследования, начиная с «критики Лукаса», согласно которой макроэкономика не существует, а она на самом деле существует и никуда не исчезала – нужно лишь правильно использовать её в проводимом анализе.

Эволюционное направление экономического анализа вводит ряд принципов, без которых невозможно представить существо и эволюцию хозяйственных процессов и которые не учитываются в неоклассическом подходе и которые имеют изменяемую психологическую основу. Список этих важных положений можно обозначить следующим образом.

Методологическую основу эволюционного подхода в отличие от «мэйнстрима» составляют:

- принцип неполноты информации;
- ограниченная рациональность;
- «экономический империализм»;
- отсутствие равновесия;
- холизм;
- индуктивный подход в анализе экономических явлений⁶.

Эволюционная экономика оперирует процессуальными эффектами:

- хредный эффект, когда система или отдельные институты устойчиво развиваются по неэффективной траектории;
- эффект гиперселекции, когда неконкурентоспособные фирмы вполне успешно развиваются, захватив определённую нишу рынка;
- эффект обучения, при котором происходит улучшение продуктов или уменьшение затрат на производство по мере их распространения на рынке;
- эффект координации и культурной инерции;
- зависимость от прошлого развития (path dependens), либо не зависимости от прошлого (path independens);
- эффект блокировки (lock in);
- эффект институциональной регрессии (дилемма Холмса-Мориарти);
- кумулятивный эффект и согласованность норм (внедряемой и существующей);

Кроме того, вводятся некоторые важные принципы, используемые в анализе проблем эволюционных изменений:

⁶ Абстрактно-дедуктивный подход также применяется, особенно в части проектирования эволюционных моделей – прим авт.

- принцип неоднородности, провозглашающий, что наиболее приспособлены те системы, которые состоят из неоднородных элементов, действующих по разным правилам;

- принцип «lock in», либо запираения, то есть действия неэффективной устойчивой нормы, когда; эту неэффективность невозможно преодолеть

- принцип дисфункции института/дисфункциональности экономической системы⁷;

- принцип «комбинаторного наращения»⁸, выступающим основным принципом описания эволюции технических систем, технологий.

Эволюционная теория обычно рассматривает два краеугольных элемента, обеспечивающих развитие экономической системы: технологию и институты. Поэтому выделяют и два направления эволюционной теории: эволюционный институционализм и инновационно-технологическое направление. Однако, главный вопрос эволюционной теории – это причина долгосрочных хозяйственных изменений. Конечно, ответ состоит в том, что причиной таких изменений являются изменения в демографии (рост населения), технологический прогресс (обеспечиваемый наукой и техникой, знаниями) и соответствующие изменения в институтах. Хозяйственная эволюция необратима по нескольким причинам. Во-первых, происходит замена поколений людей и фондов (капитала и технологий) и изменяются институты. Причём важным свойством институциональных изменений выступает то, что пока они не произошли изучить то, как и на что они влияют и как определяют развитие практически невозможно. Это выступает фундаментальным методологическим ограничением развития экономической науки и экономического знания. Во-вторых, технологический прогресс, изменения в технике, в знаниях закрепляют новые организационные формы взаимодействия людей, управления производством и т.д.

Эволюционная экономика в российской версии, то есть представленная современными исследователями, сформировалась под более сильным влиянием Шумпетера и его последователей, включая К.Переса, Г.Менша, К.Фримена и др., нежели под влиянием Н.Д.Кондратьева или А.Богданова. Иными словами, российский эволюционизм представляет собой инновационно-технологическое направление эволюционной экономики.

Экономическая наука как система знания, включает труд составляющих и представляющих её людей по познанию экономической действительности, должна предлагать результат по двум магистральным направлениям: собственной методологии, то есть совершенствовать аппарат проведения и интерпретации исследований, развивать методологический аппарат (развитие «внутри») и предлагая результаты (модели, методики и т.д.) для управления, то есть для обоснования мероприятий экономической политики.

Обобщению подлежат факты, которые состоялись. В этой связи экономическая наука опирается на работу служб статистики и архивов, то есть на

⁷ Концепция дисфункции института/дисфункциональности экономической системы предложена автором в 1998-1999 гг.

⁸ Подробнее см. Сухарев О.С. Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста. – М.: Финансы и статистика, 2012.

«историческую» компоненту. Анализ собранных фактов, требует с одной стороны методов сбора и упорядочения фактов, затем отбора релевантных факторов, потом анализа и синтеза на уровне итоговых заключений. Кроме того, любой прогноз предполагает использование исходной информации, то есть текущих фактов с тем, чтобы пролонгировать оценки на будущее, понять как изменится ситуация в силу наличия этих фактов. В связи с этим спор о методе, который был характерен для молодой исторической немецкой школы, в лице Г.Шмоллера, и австрийской школой, в лице К.Менгера, перестаёт быть актуальным. Причина банальна – индуктивный метод познания крайне необходим для экономических исследований, как и историческая основа, но и абстрактно-дедуктивный метод, исходные принципы, касающиеся модели человека, в частности, методологический индивидуализм в той же степени необходимы, иначе не удастся получить более или менее пригодных эконометрических моделей. Иными словами, экономическая наука, если относиться к ней как системе ценных знаний о развитии общества, хозяйственной жизни, применяет все известные приёмы познания реальности. Противопоставления или предпочтения тех или иных методов, как и стремление отвергнуть какой-то способ, превознося тот, которому сам следуешь, возникают в мозгах тех исследований, которые не беспристрастны. Они ангажированы ситуацией, складывающейся в области экономической науки конкретного исторического периода. В частности, эволюционная экономика по идее должна изучать закономерности на больших исторических промежутках времени, иначе она перестанет оправдывать себя как «эволюционная экономика». Эволюция предполагает длинный отрезок времени. Следовательно, оценке, изучению подвергнуты необратимые изменения в большей степени, чем обратимые, так как обратимые изменения являются атрибутом всё-таки более коротких по времени участков развития. Другое дело, что выделение обратимых и необратимых изменений уже по факту своего присутствия является моделью, поскольку разделяет общий контекст происходящих в экономической системе изменений. Сразу возникает проблема о взаимосвязи таких изменений, как и проблема отношения коротких интервалов и длинных интервалов времени в экономической эволюции. Ведь краткосрочные изменения и реакции, в конечном счёте, образуют и долгосрочную тенденцию и слагают качество изменений на продолжительном отрезке времени.

Очень часто эволюционная экономика представляется в идее двух магистральных направлений анализа: эволюционного институционализма и технологического направления, изучающего влияние технологических изменений, инноваций на развитие. Однако, многие подходы и «модели» в рамках последнего направления эволюционной экономики не только ничего не проясняют в части причинно-следственных связей технологического развития, но и дают довольно условную описательную картину постфактум, выделяя исторические этапы или фазу развития технологий и экономики. В частности, доктрина технико-экономической парадигмы и связанная с ней, можно сказать в существенной степени повторяющая её доктрина технологического уклада, мало того, что в методологическом плане очень сильно напоминают классификационные подходы немецкой исторической школы, которая выделяла

различные типы (уклады) эволюции городского, сельского хозяйства и т.д., даёт лишь весьма примерно объяснение закономерностям эволюции социально-экономической системы в историческом ракурсе. Слабость согласования объяснений и описаний на коротких и длинных интервалах здесь также становится очевидной. Наибольшую популярность получила классификационная доктрина К.Перес, которая выделяет технико-экономические парадигмы (уклады) технологического развития экономики, именно посредством смены этих парадигм или укладов трактуется эволюция хозяйственной системы. Этот подход, надо отдать должное, по сути своей является эволюционным, поскольку охватывает долгосрочный период функционирования экономической системы и в рамках его делается попытка увязать различные этапы технологического развития. Причём вряд ли кто-то усомнится, что развитие техники и технологий составляет основу эволюции хозяйственной системы.

Нужно отметить, что многочисленные эпигоны, с удовольствием и удовлетворением копируют подход К.Перес, который, на самом деле, не может претендовать на объясняющую модель технологического развития, не говоря уже о претензиях на теорию циклических кризисов или эволюционную теорию экономики.

Существо подхода К.Перес обозначим следующими позициями:

1. Благоприятные условия для очередной технологической революции возникают, когда потенциал предыдущей близок к исчерпанию.

2. Якобы возникает некая технико-экономическая парадигма, которая наделяется специфическими свойствами, подобно самостоятельному объекту – а именно, открывает «окна возможностей», определяющих пространство проектных, продуктовых решений, стимулирующих инноваторов⁹.

3. Определение технологической революции и технико-экономической парадигмы.

«Технологическую революцию можно определить как мощный кластер новых и динамичных технологий, продуктов и отраслей, способный вызвать подъём в экономике и породить долгосрочную тенденцию к развитию»¹⁰. Далее утверждается, что это представляет собой совокупность крепко связанных технических инноваций, предполагающих использование низко затратного ресурса широкого применения (энергия, материал и т.д.), а также новую инфраструктуру. Как видим, сразу же энергия и отрасль выступают в качестве объекта, по которому и будет затем даваться классификации пяти революций и соответствующим им, так называемым, технико-экономическим парадигмам. Вместе с тем, требование подъёма экономики и мощность самого пучка инноваций, продуктов, отраслей – требуют неукоснительного уточнения, иначе термин просто расплывается, а периодизация без выяснения, что происходит в указанные исторические периоды с этой мощностью, теряет свою значимость.

И тут же автор защищает себя: «...автор пытается построить эвристическую модель, а не наложить смирительную рубашку на историю. Она [модель – прим.

⁹ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. – М: Дело, 2011 – С. 54

¹⁰ Там же – С. 30.

авт.] полна исключений и отдельных уникальных явлений, которые ломают выделенные закономерности. Из рассмотрения были исключены события, специфическим образом влияющие на распространение технологий, что неизбежно ведёт к упрощению реальности»¹¹

На мой взгляд, недостатки подхода К.Перес суммарно и очень обобщённо можно представить следующими позициями¹²:

Во-первых, термин «технологическая революция» весьма некорректен в определении, поскольку даже в пояснении автора содержатся расплывчатые формулировки или термины, которые можно толковать двояко, либо каким-то образом дополнительно уточнять или определять.

Во-вторых, совершая попытку агрегации макроэкономического развития в аспекте технологий, К. Перес выделяет пять технологических революции и соответствующих им парадигм, но период каждой – свой. Первая охватывает - 58 лет, вторая – 49 лет, третья – 33, четвёртая – 63 года и пятая якобы продолжается с 1971 года по настоящее время, то есть уже 40 лет. Конечно, выделение отраслей под эти периоды и инфраструктуры во многом условное, причём осуществляется без измерения структуры и доминирования каждой отрасли. (Там же – С. 38-40., 43-44)

В-третьих, «большой взрыв» на уровне технологий и технологического развития не наблюдается – это не астрономия, не рождение чёрной дыры или галактики. В технологической сфере имеют место открытия, в том числе типа озарений, но по мере насыщения знаний, принцип накопления и синтеза становятся определяющими экономико-технологическое развитие

В-четвёртых, подобная классификация может возникнуть только постфактум – прогнозное значение её крайне слабое, если вообще имеется, поскольку неопределённость появления новых комбинаций крайне высока и то, что сегодня, появившись, кажется, что составит новую комбинацию, в частности, нанотехнологии, может оказаться, будет иметь лишь вспомогательное значение по отношению к совершенно новейшим технологиям, которые комбинаторно возникнут завтра и дадут совершенно качественно иные характеристики новым продуктам, благам широкого назначения и средствам производства.

В-пятых, доктрина созидательного разрушения, на которую также опирается К.Перес, не показывает адекватно механизм замещения технологий, как базисных, так и широкого применения (хотя вопрос относительно того, какая из технологий базисная, а какая нет, К.Перес обходит, ибо даже инженеру буде не просто выделить из набора технологий базовые, скорее всего для каждого вида производств набор этот будет свой, для машиностроения и металлообработки – он свой, для электроники – свой, приборостроения и электротехники – свой, есть ещё базовые законы физики и инженерных наук, позволяющие создавать технику и искать новые решение, поэтому парадигма физических и инженерных наук и

¹¹ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. – М: Дело, 2011 – С. 78.

¹² Подробнее см. книгу Сухарев О.С. Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход), М.: Финансы и статистика, 2011. Готовится также, в том числе и по этой проблеме, к изданию новая книга «Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста». – прим. авт.

является подлинной технологической парадигмой – первоосновой развития технологий)

Фактически, весь пафос доктрины Перес сводится к классификации периодов технологического развития. Поэтому со всей очевидностью и отстаиваемая позиция является историко-социологической¹³ классификационной доктриной, не более того, как экономическая теория она ничего не даёт ни оценки ресурсов, которые заимствуются одной технико-экономической парадигмой у другой, ни оценивает перспектив, то есть каким будет 7 или 9 парадигма? Идея технологических укладов во многом повторяет этот подход, с уточнением, акцентом на технологическую составляющую экономического развития.

Инструменты широкого применения (мягкие, жёсткие, идеологические), выступающие движущей силой распространения технологий определяются как технико-экономическая парадигма¹⁴. Конечно, отождествлять инструменты и парадигму некорректно. Тем не менее, далее уточняется, что парадигма – это «здравый смысл» заложенных в ней инновационных принципов, но под принципами выступают сферы деятельности¹⁵, а не сами принципы организации научной и технической работы.

Расплывчатость формулировки налицо, поскольку автор относит к таким инструментам буквально всё, влияющее на технологическое развитие. Вместе с тем, технико-экономический анализ, применяемый в рамках экономики технических систем, экономики научно-технического прогресса, экономики качества продукции, экономики НИОКР как отдельных направлений познания в рамках экономической науки давно показал, какие факторы, процедуры – конкретно, а не расплывчато определяют и как порядок действий, мотиваций, процедуры управления технологическими изменения – на фирме, отрасли, крупной системе, такой, как экономика страны.

Проблемы классификации технологического развития во времени, тем самым, определяются следующими моментами:

1. Каково определение технико-экономической парадигмы и технологического уклада?

2. Насколько велики возможности прогноза при помощи такой классификации?

3. Каково соотношение новых и старых технологических возможностей, замещение, наращение, заимствование?

4. Как раскрывается циклический характер развития экономики и развития технологий – взаимосвязь финансов и развития техники?

Много лет назад Меньшиков С. и Клименко Л. задавались вопросами: как возникают барьеры, какова их сила, если замедление парадигмы приходится на

¹³ В книге Меньшикова С.М. и Клименко Л.А. (Длинные волны в экономике. – М.: Международные отношения, 1989, 289 с.) концепция Перес К. ещё в 1989 году относилась в разделе социологических теорий цикла. Более того, эта доктрина претерпела лишь не значительные изменения и была адаптирована к объяснению мирового финансового кризиса 2008-2010 гг. Однако, существо кризиса, его природа была в меньшей степени связана с технологической компонентной и в большей степени с финансовой компонентной, финансовыми институтами и организациями. – прим авт.

¹⁴ Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. – М: Дело, 2011. – С. 31.

¹⁵ Там же – табл. 3 на С 43.

фазу расцвета, а социальная система всегда запаздывает, то почему обязательна депрессия, как это связано с динамикой ключевых факторов, как сложившаяся социальная и институциональная инфраструктура мешали внедрению новых источников топлива в 1930-ые гг.?

Я бы добавил к этим вопросам: как измерить скорости отставания взаимосвязанных и взаимопроникающих систем, подразделение на которые условно и делается самим исследователем?

Не получая ответов, тем не менее, российская экономическая мысль сегодняшнего дня, автоматически принимает иностранных «гуру», внимая каждому слову, не обращая никакого внимания на работы отечественных специалистов.

Применительно к технике, закономерности стечением времени имеют свойство пересматриваться. Так, это справедливо относительно закона Г.Мура. В 1965 году на заре становления микроэлектроники в мире основателем Intel Г.Муром была подмечена интересная эмпирическая закономерность, применимая к развитию отрасли микроэлектроники: каждый год плотность элементов (p - n переходов) на единицу площади должна удваиваться.

Спустя некоторое время Г.Мур вынужденно пересмотрел эту формулировку. Удвоение происходило через 18 месяцев, а ещё несколько позже, в современный период, наблюдается увеличение этого периода до 3 лет. Проблема состоит в том, что: 1) стоимость оборудования и чистых комнат возрастает быстрее отдачи от вложений в это оборудование; 2) прирост эффективности от увеличения плотности не компенсирует капитальных вложений в те средства производства, которые должны обеспечить конечный прирост этой плотности; 3) монополизация отрасли микроэлектроники и концентрация капитала, связанная с необходимостью решения именно технологической задачи (потребность в концентрации капитала часто является ответом на необходимость решения сугубо технических задач), стали следствием конкуренции за высокую производительность, следствием повышения производительности элементов и микросхем.

Две технические задачи определяют развитие технологий в данной сфере – это увеличение памяти микросхем и их быстродействия. Затем уже решаются проблемы развития «умных» схем, в том числе с элементами механики. Фундаментальная природа, физика процесса, изменяет характер закономерностей развития целых секторов производства и видов техники. Причём, когда наблюдается интенсивный рост каких-то технологических возможностей, трудно сказать, являются ли они собой новые отрасли, новые направления технологического развития, или со временем станут вспомогательной технологией, породив совершенно иные виды технологий. То же относится и к нанотехнологиям, которые совершенно могут не составить основы так называемой 6-ой технико-экономической парадигмы.

В.В.Леонтьев, в своём интервью в апреле 1997 года отмечал, что проблематичность функционирования Нобелевского комитета по экономике связана с тем, что он отдаёт предпочтение экономистам институционального направления вместо экономистов-теоретиков. Причём у экономистов

институционального направления отсутствуют существенные прорывы в рамках экономической теории. Как бы не относиться к этой точке зрения В.Леонтьева, тем не менее, важно понимать, в чём состоит сам «прорыв», в решении методологических проблем экономического анализа либо в разработке методов, помогающих обосновывать и выбирать действенные мероприятия правительственной политики? Любая модель предполагает введение определённых допущений и упрощений. Тогда возникает проблема – полученные с помощью модели результаты действительны в рамках установленных допущений и ограничений модели. Если на практике действуют иные условия и ограничения, тогда насколько возможно интерпретировать выводы модели и прилагать их к наблюдаемой экономической действительности. Полученный на модели результат действителен в рамках этой модели. Вне её – он не может быть действительным, за исключением случая, когда реальные допущения совпадают с установленными в модели, либо когда эти допущения не противоречат условиям функционирования экономической системы на практике.

Эволюционная экономика и модели, которые она создаёт, отличаются от классической эконометрики тем, что в них предполагается, после того, как связи между переменными (параметрами) системы установлены, определены, моделируемая ситуация проигрывается во времени. При этом важное свойство агентов, которые изменяют собственные модели поведения в зависимости от допущений модели или экономической теории, то есть с учётом самого экономического знания, обычно не принимается во внимание также как и в классической эконометрике. К тому же закономерности изменения самих институтов, детерминирующих экономическое развитие довольно не просто включать в подобные модели. Результат может быть получен какой угодно, но важно то, насколько точно удаётся его интерпретировать, согласовать с практическими, эмпирическими данными, имеющимися в руках исследователя. Время является главным ресурсом и ограничением. Мы не можем ничего сказать вразумительного относительно того, какой будет экономика через 100 или 200 лет. Даже период времени в 50-70 лет является «трудным» с точки зрения оценки системных параметров и результатов эволюции хозяйства, хотя горизонт в 50 лет по отдельным параметрам, например, демографическим показателям, является вполне прогнозируемым с той или иной точностью. Однако, чёткого представления о структуре экономики, мировой системы, о состоянии фондов, способа и средств производства, производственных отношений мы не имеем, и даже получить такую информацию с высокой точностью не представляется возможным. В этом мне видится не только проблема неопределённости развития, когда даже наличие плана и централизованного планирования не решит этот вопрос на таком интервале времени, но и внутреннее ограничение эволюционной экономической теории и экономической науки в принципе. В действительности, экономисты-исследователи и даже футурологи, специально ориентирующие свою работу на получение аналогичных прогнозов и оценок на периоде в 50-100 лет, не могу с гарантией дать результат. Он всегда будет приближённым в сильной степени и ориентировочным. Следовательно, эволюционные модели применимы также на каком-то историческом интервале. Иными словами, они, по сути,

отражают эволюцию усечённо, для какого-то отрезка. Но в любом случае требование к точности и правдивости исходных предпосылок таких моделей являются закономерными научными требованиями.

3. Перспектива экономической теории: «завышенный оптимизм» и реальность

Фундаментальная методологическая проблема экономической науки состоит даже не в том, что аппарат преодоления сложности социальной жизни имманентно ограничен. Это является объективным условием, как и трудности в описании факторов, определяющих экономические изменения. Существо проблемы кроется в том, что каким-либо образом установленные факторы требуют подбора инструментов воздействия на них – и здесь кроется основная часть методологических трудностей. Экономическая наука с большим трудом может определить необходимые инструменты воздействия и предвидеть отдалённые последствия применения тех или иных инструментов. Если имеется некий набор факторов $F = \{f_1, f_2, \dots, f_n\}$, то ему почти невозможно точно сопоставить набор инструментов $I = \{i_1, i_2, \dots, i_m\}$, где $n=m$, в общем виде $n \neq m$, к тому же один и тот же инструмент может оказывать различное влияние на различные параметры экономической системы, например, усиливать влияние f_1 и f_2 , но ослаблять действие факторов f_7 и f_{10} . Теперь представим, что изменяется набор факторов, значит должен измениться и набор инструментов, способных воздействовать и изменить значение факторов или параметров системы в необходимом для общества направлении. И здесь возникает масса проблем, а какое направление необходимо для общества, ведь оно не однородно и складывается из различных групп, имеющих разные интересы. Необходимо ли исходить из конфликта этих интересов при принятии правительственных решений, либо достаточно некоего объективного критерия эффективности, например, той абстрактной точки равновесия, которая в экономической теории признаётся точкой наиболее целесообразного распределения ресурсов и доходов.

Особую сложность для экономической науки представляет исследование процессов, разворачивающихся на длительном отрезке времени. Несмотря на работы Д.Норта и его последователей, которые отмечают ряд закономерностей исторического развития общества и экономики, обобщают отдельные моменты, целью теории получить не удаётся опять же по причине невозможности обобщить разнородные факторы, действующие на разных интервалах времени, потому что способы производства, состояние производительных сил для разных исторических этапов различно – и именно оно создаёт не похожие в историческом измерении институты. Например, институт «право частной собственности» вроде бы должен быть одинаков сейчас и 300 лет назад, но юридические и экономические следствия функционирования этого института и даже набор правомочий, которые описываются рамками этого института – различны для разных исторических периодов.

Проблемы эволюции социально-экономических систем остаются слабо изученными экономической наукой. Причина не только в ограниченности аппарата науки, как сказано выше, в исследовании процессов, длительных по времени, но также в том, что на значительном интервале времени выводы о закономерностях эволюции социальных систем делают иные исследователи, которые ориентируются на подготовленную ранее информацию. Более того, на ранних этапах развития человеческого общества подобная информация вообще отсутствует или является не столь достоверной. Таким образом, само время является тем ограничивающим ресурсом, который определяет не только направление эволюции социально-экономических систем, но и выступает ограничителем в познании многих свойств, закономерностей этой эволюции. В связи с этим, разумеется, довольно проблематично в одном исследовании охватить все этапы эволюции социально-экономической системы. Экономическая наука до сих пор интересуется областями, которые сильно связаны между собой – это окружающая среда, собственно экономические субъекты и психика их поведения в изменчивой среде, но единого методологического приёма, подхода не создала. В итоге, человеческое общество имеет различные формы капитализма как формы общественной организации, который по существу развивается за счёт нанесения урона экосистемам и биоразнообразию, а также самому человеку, увеличивая бремя его жизни и порождая различные девиантные реакции на изменяющуюся антропогенную среду. Системные свойства всегда сложны и изменчивы, поэтому экономическая наука в качестве базовых принципов всегда выбирала элементарную ячейку-позицию, например рациональное поведение агентов (модель поведения), принцип доступности информации и равновесия экономической системы. Тем самым, поскольку вводились такие принципы, то они сразу же считались незыблемыми, иначе надо было менять содержание анализа. На самом деле в ходе эволюции именно эти принципы перестают быть статичными.

Завышенный оптимизм по поводу эволюционной теории в экономике, использования биологических аналогий, на мой взгляд, связан с тем, что исследователям хочется заглянуть в отдалённое будущее, попытаться дать его оценку, с тем, чтобы разработать мероприятия, приближающие общественную к этому будущему состоянию. Однако, ни эволюционная экономика, ни институционализм не в состоянии стать новым «мэйнстримом». Такая «пертурбация» методологически чрезвычайно сложная и не нужная.

Эффект моды и завышенные ожидания экономистов, принадлежащих к какому-то направлению экономической мысли, когда условно фиксируют направление-оппонента, которое на самом деле динамично развивается, впитывая всё возможное, создают «медвежью услугу» для развития как данного направления науки, так и экономической науки в целом, других её направлений. «Мэйнстрим» несколько не ущербен, поскольку принципы макроэкономической и микроэкономической бухгалтерии предполагают равновесный аппарат, схему-дихотомию, а проблему конъюнктуры – спроса и предложения никто отменить не сможет. Это базовые понятия экономической науки, вбирающие в себя основную суть её эволюции. Эволюционируют и спрос и предложение, изменяется их

соотношение, содержание, качество взаимосвязи и обусловленности. При опровержении принципа «суверенитета потребителя» спрос и предложение нельзя представлять независимо. Следовательно, с точки зрения постановки исследований важно понять, что произошло с таким исходным допущением как «суверенитет потребителя». Каждой модели, позиции, не говоря о концепции и теории – нужны обоснования (логические), подтверждения – эмпирические. Точность определений и формулировок довольно значима в экономической науке. Направление развития экономической методологии может быть только таким. Если эти формулировки расплываются, если выстраиваемые классификации постфактум также сильно упрощены и условны, то данный набор тезисов вряд ли уместно именовать теорией. Проектируемые модели, часто только искажают и направления развития самой науки, и, что особенно важно, нарушают логику практических решений и интерпретацию результативности действий в области экономики, осуществляемых правительствами.

В качестве основополагающих подходов к исследованию поставленного комплекса проблем, касающихся теоретических основ эволюционной теории и практических аспектов разработки реальных механизмов экономической политики, можно использовать следующий набор аналитических инструментов:

- методологический анализ теоретических доктрин;
- разработку критериев оценки передаточных механизмов экономической политики;
- разработку новой концепции государства и рынка, разработку подходов к оценке институционального качества экономической системы;
- анализ возможных вариантов развития экономики, форм государственного управления.

При этом психологические факторы становятся определяющими при решении названных задач. Однако, рассматривать экономическую психологию в качестве некой «методологической панацеи» для экономической науки, на мой взгляд, не стоит. Как и загружать себя мыслями о единой социальной теории, или универсальной методологии познания экономических явлений, например, когнитивно-психологической методологии. Психика человека и её изменчивость, а также масса проблем её изучения выступают весомыми преградами для подобных альтернатив. Кроме того, «новая» методология нужна не ради её самой, а ради решения стоящих перед наукой задач. И у нас нет оснований считать, что они не решаемы в рамках имеющихся средств и инструментов познания экономической реальности, включая развивающуюся и укрепляющую свой вес в экономических исследованиях доктрину «экономического империализма».

Стереотипные подходы «мэйнстрима» в рамках гетеродоксальных программ стабилизации экономики, теория циклической динамики, обычно не принимают в рассмотрение факторы изменения психологии агентов и также крупные макроэкономические сдвиги в психологии поведения. Хотя, казалось бы, «мэйнстрим» рассматривает факторы сдвига спроса и предложения под воздействием изменения предпочтений агентов, моды, вкусов и т.д. Эти обстоятельства, конечно, составляют психологические изменения. Но прогнозировать эти изменения, либо предвидеть их на качественном уровне

является пока не достижимым рубежом для экономической науки и неоклассической школы.

Главным условием успешности развития экономики является выработка стратегической линии этого процесса, для чего необходимо правильное восприятие целей и инструментов экономической политики. Фискальная и денежная политика, как и любой иной вид экономической политики (доходов, заработной платы и др.) выступают лишь инструментами достижения целей развития. А сама цель диктуется общественной логикой, системой национальных и мировых общественных предпочтений, нравственных и религиозных императивов. Важнейшим условием применительно к экономической политике является то, что стратегическая цель должна быть потенциально достижимой за обозримый интервал времени, измеряемой и разделяемой большинством ныне живущих слоёв общества. В качестве такой наиболее общей цели может выступать некая агрегированная функция качества жизни, измеряемая известными социальными индикаторами. Задачей остаётся увязать подцели экономической политики, цели кратко и долгосрочные, политические инструменты с собственно стратегической (конечной для данного интервала) целью развития экономики. Кроме того, стратегическая цель должна обладать свойством незыблемости, т.е. должна оставаться стабильной – неизменной на выбранном отрезке времени. В противном случае мы получим ситуацию перманентно изменяемой по ходу движения стратегической цели, а в таком случае срабатывает «эффект потери стратегического приоритета», то есть такую цель становится трудно установить, а значит и следовать её достижению. Так происходит потеря стратегических ориентиров развития, что чревато и текущими провалами экономической политики.

Идея макроэкономической стабилизации сводится к снижению темпа инфляции посредством инструментов кредитно-денежной и фискальной политики. Важно отметить, что при таком условии резко сжимаются возможности и структурного манёвра. В случае, если отрицается дирижистская модель управления структурными сдвигами – последние вообще становятся невозможными по определению и все разговоры об их необходимости становятся политической фразеологией. Нужно отметить, что дирижистская модель отнюдь не сводится к установлению отраслевых приоритетов, а выбирает направления социально-экономического развития, и она никоим образом не является символом исключительно индустриального общества, поскольку и в постиндустриальном обществе требуется взвешивать альтернативы и выбирать приоритеты.

Программы стабилизации представляют собой политику правительства, направленную на поддержание текущей динамики цен, полной занятости и определённого темпа экономического роста. Цель политики стабилизации: при временном отклонении ВВП (других макропараметров) в сторону понижения, ликвидировать это состояние корректирующими воздействиями за интервал времени меньше того, который бы понадобился экономике в режиме саморазвития. Эта политика не имеет целью влиять на причины отклонения ВВП – изменить соотношение новаторов, консерваторов и безработных в экономике, а стремится внешними воздействиями на спрос и предложение изменить динамику

ВВП. Интересно отметить, что в случае равенства спроса предложению, а равновесие является базисной концепцией (моделью) в построениях многих ортодоксальных экономистов (представителей так называемой либеральной школы в экономике), недобровольная безработица никогда не может появиться.

Неолиберальным представлениям на экономическое развитие и макроэкономическую политику противостоят взгляды эволюционных экономистов, которые не сводят цели политики к балансированию бюджета, накоплению резервов и умиротворению инвесторов, считая названные инструменты лишь вспомогательными «рычагами» управления хозяйственной системой по обеспечению её движения к установленным стратегическим целям.

Теория стабилизации экономики предлагает нормативные методы управления процессом колебаний уровня экономической активности, согласно которым требуется минимизировать отклонения важнейших экономических параметров от установленных нормативов, используя при этом подходящий политико-экономический инструментарий. Согласно классическим положениям теории экономической политики в качестве цели последней может выступать функция благосостояния (или социальных потерь). Исходя из параметров этой функции, могут быть точно определены стратегия и тактика управления на макроуровне экономики, т.е. указаны конкретные решения, позволяющие оптимизировать названные функции. При этом число инструментов экономической политики не должно быть меньше числа целей – только в этом случае возможно эффективное управление.

Под целями понимаются определённые количественные показатели, на достижение которых должна быть направлена экономическая политика, причём инструменты политики требуется включить в функцию, подлежащую оптимизации – иначе не будут учтены издержки использования самих инструментов, что резко затруднит определение целесообразности их применения на различных этапах развития экономики.

Однако у данного подхода существует серьёзный недостаток: количественные показатели (цели) сильно зависимы от экономического инструментария и самих политических решений. Поэтому, ориентируясь на такие цели, довольно трудно дать верную оценку модели экономической политики.

Другой подход, известный как «критика Лукаса», утверждает, что роль правительства деструктивна по причине наличия рациональных ожиданий. Таким образом, провозглашается невозможность достичь каких-либо экономических целей политическими средствами, так как реакции агентов, предугадывающих направления воздействий, нейтрализуют мероприятия политики. Из этого следует, что теряется всякий смысл не только функции общественного благосостояния или функции социальных потерь, но вообще целевого управления на макроэкономическом уровне.

Задача минимизации функции социальных потерь решается путём нахождения необходимой (в соответствии с целевыми установками) пропорции между её параметрами. Но и в этом случае область возможных решений лежит в рамках четырёх ставших классическими инструментов политики: фискальной, денежно-кредитной, регулирования валютного курса и доходов, – которые

оказываются необходимыми, но недостаточными при проведении политики социальных и институциональных реформ. Причина этой необходимости состоит в том, что в управлении экономикой всё-таки распространены балансовые схемы, используемые при принятии политических решений, а недостаточности – в том, что в конечном итоге всё сводится опять к «старой» схеме – поощрения совокупного спроса и/или предложения. Через эти параметры достигается изменение величины безработицы и инфляции и минимизируется функция социальных потерь.

Нужно отметить, что ожидания так же зависимы от инструментов, как и количественные показатели – цели. Ввод в теорию экономической политики ожиданий – является, конечно, важным добавлением, однако этот подход строится на равновесных представлениях о функционировании экономики, на гипотезе естественного уровня безработицы. Именно поэтому преимущества модели «рациональных ожиданий» перед моделью «целей и инструментов» экономической политики – весьма призрачны, в том числе и по причине того, что в модели рациональных ожиданий присутствуют эффекты инерции, несмотря на то, что они менее существенны, чем в теории адаптивных ожиданий. Фактически эти теории макроэкономики учитывают суммарное психологическое состояние агентов, реагирующих быстро с ориентиром на будущее изменение – ожидание, либо реагирующих медленнее с ориентиром на прошлый результат или опыт (адаптация). Однако, модели макроэкономики, построенные на таких допущениях, оказались бессильны в описании и прогнозе мирового финансового кризиса, в начале 21 века. Эволюционные модели также «не увидели» кризиса. Это наводит на мысль, что они не просто ограничены временем и историческим интервалом, что накладывает отпечаток на их достоверность, но и детерминированы исходными установками, которые позволяют «увидеть» лишь часть «эволюционного процесса», то есть «посмотреть» исследователю на «элемент эволюции». Таким образом, подлинная экономическая теория и, особенно, эволюционная теория, должна не просто исходить из назначения «гена» хозяйственной эволюции, моделируя поведение которого, дескать, удастся полностью представить эволюцию хозяйственных систем, но главное требование должно быть сведено к моделированию изменчивости основополагающих факторов, движущих экономическую систему. Смена веса факторов приводит автоматически к коррекции направления движения. Именно такой подход, с моей точки зрения, позволит получить адекватное отображение эволюционных изменений. Причём с точки зрения экономической методологии эта позиция является методологическим принципом создания подобных моделей и должна быть обращена к объектам и системам любого уровня сложности.